

А.Е. Иванов

ОТКЛИКИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Но есть великая война
Война народной обороны:
Отбросить вражьи легионы
Встает пронзенная страна.
Когда отечество в огне
И нет воды, лей кровь, как воду...
Благословение народу!
Благословение войне!

Игорь Северянин.
Поэзия благословения

Эти строфы точно передают тональность чувств, охвативших с началом Первой мировой войны российское общество, включая и ту его часть, которая составляла «население» высшей школы — профессоров, преподавателей, студентов. На торжественном актовом заседании Психоневрологического института 2 февраля 1915 г. его директор, академик В.М. Бехтерев говорил: «Еще так недавно, в период Русско-японской войны мы были свидетелями, как многими из общественных кругов выносились резолюции против ведения войны в пользу скорейшего заключения мира, мира во что бы то ни стало, хотя бы даже с ущербом для интересов и достоинства России. Ныне мы видим совсем другую картину. Общий клич “довести войну до победного конца” звучал почти во всех общественных организациях и съездах России»¹.

Раздался этот клич и из стен высших учебных заведений. Весть о начале военных действий одновременно сплотила в общем патриотическом порыве профессоров и преподавателей — либералов, консерваторов, крайних националистов, еще накануне находившихся в состоянии межпартийной и академической вражды, разоженной до крайних пределов министром народного просвещения Л.А. Кассо. В конечном счете, этот «внутренний мир» жиждился на доброй воле либеральной профессуры, преобладавшей в преподавательском корпусе высших учебных заведений. Она последовала призыву ЦК кадетской партии к политическим силам страны: «Отложим же внутренние

¹ *Бехтерев В.М.* Моральные итоги великой мировой войны. Пг., 1915. С. 6.

споры, не дадим врагу ни малейшего повода надеяться на разделявшие нас разногласия»².

Война, однако, лишь кратковременно затушевала, но не изгладила политические противоречия в профессорско-преподавательском корпусе. И в круговерти событий военной поры профессура, не упуская из поля своего политического зрения послевоенное будущее России, по-разному его себе представляла. Консерваторы с победой над Германией связывали упрочение самодержавия. Они с энтузиазмом подхватили идею М.К. Любавского о созыве раз в пятилетие, начиная с 1919 г., русских исторических съездов имени императора Николая II как покровителя отечественной истории, которые должны были стать апофеозом самодержавия и самодержавия³.

Либералы связывали с победой над «супостатом» широкие конституционные реформы по образцу Великобритании в условиях нового миропорядка, который зиждился бы на «идеалах права и свободы»⁴. Они были уверены, что победа вызовет широкое пробуждение производительных сил в стране.

Это политическое разномыслие не замедлило о себе заявить, и весьма скоро. Однако в 1914 г. казалось, что в академическом корпусе наступил идейный мир, а не всего лишь шаткое перемирие. Профессорские коллегии от имени своего, «младших» преподавателей, студентов единодушно, в предписанной чиновничьим этикетом форме «изъявили верноподданнические чувства, искреннюю безграничную любовь царю» и безоглядное намерение посвятить все свои силы служению «оружию, поднятому в защиту Святой Руси и всего славянства»⁵. 28 июля Совет профессоров Казанского университета в телеграмме Николаю II выразил «глубокую веру» в то, что «вынужденная с оружием в руках защищать принципы европейского мира и справедливости против дерзновенного натиска германских держав, великая и могучая Россия выйдет и в настоящую годину испытаний победительницей». Совет торжественно заявил о своей готовности «принести всякие жертвы на благо отечества в его защите славянства и борьбе за правое дело»⁶. Патриотическая

² Ежегодник газеты «Речь» на 1915 год. Пг., 1915. С. 242.

³ История Московского университета. М., 1955. Т. 1. С. 379.

⁴ Бехтерев В.М. Моральные итоги великой мировой войны. С. 19–20.

⁵ Протоколы заседания Совета имп. Петроградского университета за 1914 г. Пг., 1916. № 70. С. 75.

⁶ Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 977. Д. 1277. Л. 145, 176.

эйфория на первых порах лишила казанскую профессуру способности реально оценивать военно-стратегическую обстановку. Она надеялась на молниеносную победу к 1 сентября, т.е. к началу учебного года⁷.

Патриотические демарши профессоров и преподавателей, особенно в первые месяцы после начала войны, были окрашены в густые тона германофобии. Своих недавних коллег — немецких ученых они обвиняли в оправдании «милитаризма», успешного «уже оказать свое губительное влияние на всю духовную культуру Германии, в которой былой культ истины, добра и красоты стал меняться с некоторых пор постулатом грубой силы и стремлением оправдать насилие и вандализм»⁸. 1 сентября 1914 г. профессор Петербургского университета А.С. Догель в порицание зверских поступков «варваров XX в. — германцев» — против культуры (разрушение Лувенского университета в Бельгии) призвал своих коллег разорвать всякие научные связи с немецкими учеными и исключить из состава почетных членов российских университетов тех из них, которые «позорят и унижают науку»⁹.

Эта и подобные ей инициативы подтолкнули Совет министров к изданию 31 октября 1914 г. законодательного постановления об исключении из состава преподавателей высших учебных заведений и сотрудников научных учреждений всех германских подданных. Первой жертвой этого постановления стал почетный член юридического факультета Петроградского университета Ф. фон Лист, основатель Международного союза криминалистов. Затем в университетах разыгралась форменная вакханалия охоты на лиц с немецкими фамилиями. Из состава почетных членов только одного Московского университета и состоявших при нем научных обществ было исключено около 70 германских подданных. Только Общество А.И. Чупрова для разработки общественных наук наотрез отказалось осуществить эту акцию на том основании, что не располагает данными о подданстве своих членов, поскольку его устав не предусматривал сбора такого рода сведений¹⁰.

В академических кругах получил хождение тезис о фатальной предрешенности разразившейся войны. В.М. Бехтерев писал по этому

⁷ Центральный исторический архив Москвы (далее — ЦИАМ). Ф. 418. Оп. 92. Д. 737. Л. 11.

⁸ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 92. Д. 737. Л. 11.

⁹ Протоколы заседания Совета имп. Петроградского университета за 1914 г. № 70. С. 79–80.

¹⁰ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 92. Д. 735. Л. 12–29.

поводу: «Мирное развитие общечеловеческой культуры и прогресса всегда предпочтительнее насильственного разрешения мировых вопросов путем войны. Но как революция в известных условиях наступает неизбежно, как бы роковым образом, так и война при определенных международных взаимоотношениях столь же неизбежна»¹¹. Вина за развязывание войны единодушно возлагалась на Германию и ее императора Вильгельма II. При этом широкое хождение в российском обществе приобрело предположение о клиническом безумии последнего. Это суждение отвергалось выдающимся психиатром В.М. Бехтеревым, который, напротив, в действиях кайзера не находил «никакого нарушения в отношениях его личности», поскольку «он лицо, в котором, как в фокусе двояковыпуклой чечевицы (увеличительное стекло. — А.И.), собираются лучи германского милитаризма»¹².

Однако Бехтерев не отвергал реальности «частных указаний» о том, что «несколько лет назад» Вильгельм II испытывал «острый приступ психического расстройства», при котором он «будто бы бредил войной с Россией и Францией и давал в бреду распоряжения боевого характера». Да и в периоды относительного здоровья германский император «выставляет себя беззастенчиво исполнителем воли Бога, что граничит уже с бредом». Но эти отклонения от нормы поведения человека, по мнению В.М. Бехтерева, не укладываются «ни в одну из форм душевных болезней, а дают основание причислить их носителя к «дегенератам нероново́ского типа», которые «признаются по смыслу современного законодательства ответственными за совершаемые ими поступки»¹³.

Лишь немногих российских ученых не захватило исступление шовинизма. «Звериным способом решения жизненных трудностей» назвал войну И.П. Павлов¹⁴. Мысль, созвучную этой, выразил К.А. Тимирязев: «Война имела, имеет и может иметь только два результата: у победителей... завоевания вызывают жадность к новым завоеваниям, вырождающуюся в манию всемирного владычества, а у побежденных растет сдавленная и тем более могучая злоба, воплощающаяся в давно знакомом слове “revanche”»¹⁵.

¹¹ *Бехтерев В.М.* Моральные итоги великой мировой войны. С. 20.

¹² *Бехтерев В.М.* Вильгельм — дегенерат нероново́ского типа. М., 1916. С. 7.

¹³ Там же.

¹⁴ *Павлов И.П.* Полн. собр. соч. М., 1957. Т. 1. С. 17.

¹⁵ *Тимирязев К.А.* Наука и демократия. М., 1983. С. 373.

Это суждение, однако, не повлияло заметно на господствовавшее в академической среде отношение к войне. Профессора и преподаватели видели свой первостепенный долг в «военной мобилизации» высшей школы. Под ней подразумевались, во-первых, оборонно-направленные научно-технические, химические, медицинские разработки, во-вторых, — идеологическое «обеспечение» желанной победы¹⁶.

* * *

Война, даже в ее изначальный момент патриотического вихря в российском обществе, не принесла «внутреннего мира» расколотому политически студенчеству, хотя и оно в своем абсолютном большинстве желало победы над внешним врагом и горело стремлением встать грудью на защиту Родины. Только малочисленные студенческие группы, шедшие за большевиками, безоговорочно поддерживали лозунг своего вождя о поражении российского правительства во имя всемирной победы пролетарской революции. Но и среди них нашлись отступники, не согласившиеся с этим лозунгом. Член большевистской фракции Петроградского горного института В. Бажанов вспоминал: «Нам не пришлось долго обсуждать и растягивать прения — платформа нашего ЦК была безоговорочно принята нашей фракцией, ее активным ядром. С этого времени отошли от нас убежденные «оборонцы», которые оставались большевиками до этого решительного момента...»¹⁷. Сторонники «оборонческой» позиции обнаружили среди большевиков Московского коммерческого института¹⁸, а также и в других высших учебных заведениях. Отношение к войне стало почвой идейной конфронтации между антивоенным меньшинством и патриотически-настроенным большинством студенчества. И.И. Дингельштедт, в 1914 г. представитель социал-демократической фракции Петроградского горного института в редакции большевистской «Правды», вспоминал: «Атмосфера в это время была подавленная (у революционных работников). Кого не встретишь — у всех на лицах вопрос: «А как смотрите на войну?». Некоторые даже руки не подавали, как только узнавали, что присоединился к тезисам Ленина. Особенно плохо было в среде студенчества: доброволь-

¹⁶ См.: *Иванов А.Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны» // ВИЕТ. 1999. № 2.

¹⁷ На пути к победе: Из революционной истории Горного института. Л., 1925. С. 155.

¹⁸ *Островитянов К.В.* Думы о прошлом. М., 1967. С. 88.

чество, лазареты, манифестации — все это занимало патриотическую массу студентов»¹⁹.

Прокламируя свою приверженность защите отечества, студенты-революционеры, демократы, либералы стремились отмежеваться от ура-патриотов черносотенного толка, рьяно демонстрировавших безмерную преданность царю. Резкое осуждение студенческой массы вызвало участие последних в промонархическом шествии 9 октября 1914 г. в Петербурге. «...Позорна вчерашняя картина коленопреклоненного студенчества перед Зимним дворцом, на площади, где 9 лет тому назад расстреляны наши товарищи. Но этот позор не может лечь на нас пятном. Мы пойдем на войну, но останемся с тем же ясным сознанием наших задач, с той же верой в торжество нашего дела. Мы пойдем, но гимном нашим будет Марсельеза»²⁰, — писали в своей листовке студенты-эсеры 10 октября 1914 г.

Осудив попытки академистов толкнуть учащуюся молодежь «на дорогу рабского патриотизма и угодничества», студенты-трудовики призывали своих товарищей оставаться верными «заветам старого студенчества и возвысить свой голос за честь и достоинство родины»²¹.

Принимая решение защищать Россию, «левое студенчество» требовало от царского правительства амнистии политическим заключенным.

Антисамодержавный патриотизм имел и такое выражение: «Я бы вступил в бельгийскую армию — защищать ее независимость, вступил бы во французскую армию защищать свободу Франции, но в ряды русской армии вступать считаю невозможным, потому что русская армия защищает свое правительство, которое в прошлом достаточно показало себя и даже арестует... готовых сражаться за Россию»²². Это заявление студента Каминского прозвучало 13 октября 1914 г. на митинге в Петербургском политехникуме.

Неоднозначно к войне относилась и беспартийная студенческая масса, в которой также сильны были демократические устремления. Умонастроения беспартийных демократов, думается, точно передал в своих воспоминаниях академик Н.М. Дружинин, тогда студент последнего курса историко-филологического факультета Московского университета: «С одной стороны, я понимал, что война неизбежно вы-

¹⁹ На пути к победе... С. 155.

²⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 64. Л. 53об.

²¹ Там же.

²² Там же. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 883. Л. 56.

зовет у нас революцию, которая покончит с самодержавием, с другой стороны, я считал, что при сложившейся обстановке необходимо защищать родину от германской агрессии. Мне были неясны империалистические истоки войны; тактические споры в рядах революционных партий доходили до меня в заглушенной форме; ленинские статьи против социал-шовинизма, опубликованные в зарубежной прессе, остались мне тогда неизвестными»²³.

Военные поражения, фатально преследовавшие Россию в текущей войне, постоянные наборы студентов в армию, на оборонные предприятия и общественные работы, каждодневные вести с фронта об убитых и искалеченных товарищах, тяготы повседневного быта — все это в совокупности умеряло ратоборческий пыл учащейся молодежи, все более погружавшейся в настроения житейского уныния и разочарованности. «Странные, неприятные чувства волнуют учащуюся молодежь, читающую объявления (о мобилизации в действующую армию. — *А. И.*), — вспоминал бывший студент Московского университета М. Воронков. — Война в высшей степени непопулярна. Многих душит злоба, другие — прощаются с прошлым беззаботным временем, третьим грустно от неудавшейся жизни, сорванной на первых порах. Энтузиазма не заметно даже у тех, кто «принимал» и «оправдывал» войну. Большинство удручено тем, что воевать нужно идти за Сухомлиновых и Распутиных»²⁴. Если в 1914 г. студенты-добровольцы мгновенно заполнили все 2,5–3 тыс. курсантских вакансий в военных училищах, то в 1916 г. добровольно вступавшие в армию студенты насчитывались уже единицами.

Только черносотенное меньшинство студенчества продолжало рьяно демонстрировать свою воинственность. Весной 1915 г. оно участвовало в спровоцированных полицией погромах немецких магазинов в Москве, вызвавших крайнее негодование абсолютного большинства учащихся высших учебных заведений.

Глухое недовольство уставшего от войны студенчества бездарной самодержавной властью, не способной организовать отпор врагу, уже в 1915 г. стало переливаться в массовые антиправительственные беспорядки. Ректор Московского университета М.К. Любавский доносил 21 марта 1916 г. местному градоначальнику: «...Волнения, происхо-

²³ *Дружинин Н.М.* Избранные труды: Воспоминания, мысли, опыт историка. М., 1990. С. 16.

²⁴ *Воронков М.* Из жизни дореволюционного студенчества. М., 1947. С. 1.

дившие в последнее время в высших учебных заведениях — Коммерческом институте, Сельскохозяйственном и на Высших женских курсах, в конце концов, перекинулись и на университет. Общее впечатление от них таково: какие-то подпольные силы во что бы то ни стало хотят поднять учащуюся молодежь, прибегая к агитации. Сначала были выдвинуты лозунги: «Долой войну!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует вторая российская революция!». Когда же эти лозунги не нашли большого сочувствия, стали агитировать за учинение протеста против осуждения трамвайных служащих и расчета рабочих Путиловского завода. На Женских курсах обеспокоились положением евреев — студентов, призываемых в армию, и внесли, поскольку мне известно, резолюцию о том, чтобы студенты-евреи наравне с русскими призывались для пополнения офицерских кадров. В университете забастовка пропагандировалась уже в виде протеста против ареста каких-то товарищей и ввода полиции в Коммерческий институт»²⁵.

К 1917 г. студенчество было охвачено уже антивоенными настроениями, кстати, не имевшими ничего общего с большевистскими. Оно желало не поражения своей Родине во имя пролетарской революции, а скорейшего и почетного выхода ее из войны во имя мира гражданского. В воспоминаниях студента Московского университета М. Воронкова читаем: «Огромное большинство студентов за то, что война проиграна Россией, и ее надо ликвидировать немедленно, иначе не избежать серьезных потрясений»²⁶.

* * *

С самого начала войны высшая школа была втянута в водоворот срочных правительственных и общественных мероприятий, имевших целью, хоть в какой-то степени, смягчить поразивший действовавшую армию кризис командных кадров, боеобеспечения, химической защиты, а в тылу — кризис продовольственный, топливный, транспортный. Пожалуй, никогда еще в истории Российской империи не выявлялась столь очевидно величайшая значимость науки и служивших ей людей, специалистов высшей квалификации для поддержания экономической и оборонной устойчивости страны.

Высшая школа сразу же стала едва ли не основным источником пополнения таявшего в боях младшего командного состава офицерского

²⁵ Красный архив. 1933. Т. 3 (58). С. 114.

²⁶ Воронков М. Указ. соч. С. 40.

корпуса. Российская империя начала воевать без необходимого командного резерва. Военное ведомство вынуждено было даже закрыть свои академии, направив в действующую армию всех их слушателей и преподавателей. Положением Совета министров от 30 сентября 1914 г. (возобновлялось ежегодно) отменялись отсрочки от военной службы для студентов, исключая выпускников. Они мобилизовались «нижними чинами» в запасные полки с последующим распределением соответственно специальностям и потребностям. «Достойных и способных» направляли на краткосрочное обучение (4–8 мес.) в военные училища, после чего они обретали первый офицерский чин прапорщика. Менее «достоинные» призывники из студентов определялись в войска унтер-офицерами. И уже совсем «недостойные» — рядовыми. Читаем в воспоминаниях М. Воронкова о тех, кто не имел права на производство в офицерский чин: «Это — в большинстве евреи, два-три поляка и несколько человек русских, утерявших политическую благонадежность. Они сообщили новичкам потрясающие подробности о том, как их откомандировали рядовыми солдатами в полки и издевались там над ними. Общие нары, кишевшие паразитами; льющаяся сверху в дождливое время вода и по целым неделям — сон под мокрыми одеялами; пренебрежительное, издевательское отношение не только офицеров, но главным образом фельдфебелей»²⁷.

А впереди их ждал фронт, в огне которого каждодневно и еже часно сгорали жизни студентов-новобранцев — рядовых, унтер-офицеров, новоиспеченных прапорщиков. С 1915 г. поминальные списки погибших в боях и от ран помещались в годовых отчетах высших учебных заведений и не только с относительно демократическим составом учащихся, таких, как университеты и народнохозяйственные институты, а и привилегированных, таких, как Александровский лицей и Училище правоведения. Имея в виду и эти скорбные поминовения, В.И. Вернадский писал: «Тысячи талантливых людей пали на полях битв и в лазаретах, среди них были и те, которые при отличном ходе жизни явились бы крупными учеными. Должно быть, среди них и есть такие, которые рождаются раз в поколение»²⁸.

Бессмысленное растрачивание молодых интеллектуальных сил тревожило и министра народного просвещения П.Н. Игнатъева. 3 сен-

²⁷ Воронков М. Указ. соч. С. 38.

²⁸ Вернадский В.И. Война и прогресс науки // Очерки и речи акад. В.И. Вернадского. Пг., 1922. С. 134.

тября 1915 г. он писал в Совет министров, что привлечение студентов в войска должно иметь место «только в крайнем случае», исключительно для пополнения офицерского корпуса, поскольку «необходимо предусматривать, что с окончанием военных действий для восстановления нормального хода государственной работы потребуется весьма значительное число образованных работников»²⁹.

Предостережение Игнатьева осталось, однако, без последствий. Студенческие мобилизации следовали одна за другой через каждые два-три месяца. Об их масштабах можно судить по таким фактам: Петроградский политехникум в 1915–1916 гг. направил в армию 1 615 студентов; малолюдный Петроградский институт инженеров путей сообщения только в 1915 г. — 400 чел. Московский коммерческий институт в 1916 г. — 1 800 чел. Дабы удовлетворить все возрастающие потребности действующей армии и тыловых госпиталей во врачах медицинские факультеты университетов были переведены на сокращенную четырехлетнюю (вместо пятилетней) программу. Студенты и курсистки составляли немалую часть низшего и среднего персонала полевых, стационарных госпиталей и поездов Союза городов для раненых воинов³⁰. На один из таких поездов в 1914 г. попал студент-филолог Московского университета К.Г. Паустовский. «Почти все санитары тылового поезда были добровольцы-студенты. Мы носили солдатскую форму. Нам разрешили оставить студенческие фуражки. Это обстоятельство много раз спасало нас от грубости и “цуканья” военных комендантов»³¹, — вспоминал он.

Командировались студенты и на работы в оборонной промышленности в качестве и.о. инженеров, конструкторов, а также техниками-инструкторами и просто техниками, токарями-инструкторами и просто токарями и т. д. Только в январе–августе 1917 г. на военных предприятиях Москвы и губернии работали 200 студентов Московского технического училища³². Все чаще и все в большем числе студенты привлекались к общественным работам, например, к разгрузке дров.

Поразивший экономику России топливный и транспортный кризис стал причиной ускоренных выпусков специалистов такими народнохо-

²⁹ РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 1369. Л. 4.

³⁰ *Иванов А.Е.* Высшая школа России в конце XIX – начале XX века. М., 1991. С. 256.

³¹ *Паустовский К.Г.* Собр. соч. М., 1958. Т. 3. С. 342–343.

³² ЦИАМ. Ф. 372. Оп. 6. Д. 2. Л. 11.

зайственными институтами, как Лесной — в Петрограде, Сельского хозяйства и лесоводства — в Новой Александрии, Московский и Петроградский институты инженеров путей сообщения, строительные факультеты политехникумов в Петрограде, Варшаве, Киеве.

В условиях военного лихолетья высшая школа, являясь средоточием основных ученых сил и фактически всей научно-экспериментальной базы страны, превратилась в ведущий центр научно-практических разработок оборонной значимости. Среди них едва ли не первостепенными стали фармакологические, остро необходимые для скорейшего развертывания фармацевтической промышленности, полностью отсутствовавшей в Российской империи. Читаем во «всепогоднейшем» докладе царю министра народного просвещения П.Н. Игнатьева в 1915 г.: «Испытываемый с возникновением войны недостаток химико-фармацевтических препаратов с совершенной наглядностью показал, в какой тесной зависимости от иностранного и, главным образом, германского рынка находилась в данном отношении наша Империя»³³.

В августе 1914 г. в Казани, при областном Военно-промышленном комитете прошел I Всероссийский съезд для выработки плана борьбы с «лекарственным голодом». Научные доклады на нем прочитали профессора Казанского и Саратовского университетов³⁴. В сентябре того же года Министерство народного просвещения образовало из университетских профессоров-химиков, медиков, фармакологов «Особое совещание» для составления списка необходимых армии медикаментов, которые могли бы изготавливаться силами студентов и лаборантов высших учебных заведений, в первую очередь физико-математических и медицинских факультетов университетов³⁵.

В абсолютной зависимости от иностранного импорта, в первую очередь германского, находилось обеспечение российской медицины хирургическим инструментом и лабораторным оборудованием. Этот факт констатировала возглавлявшаяся проф. Н.Ф. Высоцким комиссия при медицинском факультете Казанского университета, созданная для разработки совместно с профессурой прочих университетов мер к организации в России столь необходимого производства.

В комплексе с научно-практическими работами в области фармакологии и лабораторно-инструментального обеспечения военно-

³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 156. Д. 631. Л. 8.

³⁴ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 95. Д. 924. Л. 16.

³⁵ Там же. Л. 15, 29.

полевой медицины в университетах форсированно разрабатывались средства против применявшихся Германией отравляющих газов, а также новые, более эффективные, чем имевшиеся, взрывчатые вещества. При Московском университете были открыты заводы — химико-фармацевтический и взрывчатых веществ. Производство лекарственных препаратов силами студентов наладило руководимое профессором С.Н. Реформатским Физико-химическое общество Киевского университета. Оно владело собственным заводом хлороформа, складами химических веществ и готовых медикаментов. Рентгеновские исследования в военных госпиталях Киева развернуло Физико-математическое общество Киевского университета, руководимое проф. Г.К. Сусловым³⁶.

Фактически полностью военно-прикладную направленность приобрела деятельность медицинских факультетов университетов. Их профессора были сосредоточены на подготовке военных врачей, на исследованиях в области военно-полевой медицины, на консультативной и практической работе в полевых госпиталях, наконец, на организационно-медицинской деятельности в Красном кресте и прочих военно-санитарных организациях.

Не менее масштабно, чем в университетах, «защитительная техническая работа против разрушительных сил войны»³⁷ развернулась в инженерно-промышленных институтах, которые в пожарном порядке ликвидировали множественные прорехи в техническом оснащении российской армии. «Трудные условия преподавания, которые создавались войной, усиливались еще отвлечением части профессоров и преподавательского персонала различными работами, связанными с обороной, в т. ч. и поездками за границу. Работами на оборону были заняты и некоторые лаборатории. Институт отводил помещения для различных требуемых военным ведомством курсов, мастерских, и даже специальных лабораторий»³⁸, — вспоминал директор Петроградского технологического института проф. А.А. Вороной.

Оборонно-исследовательская программа инженерных институтов формировалась субсидируемыми казной заказами военного ведомства. Петроградский технологический институт, например, выполнял задания Главного артиллерийского управления. Радиотелеграфные

³⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 226. Д. 170. Л. 5.

³⁷ Очерки и речи академика В.И. Вернадского. С. 134.

³⁸ Технологический институт им. Ленинградского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Л., 1927. Т. 1. С. 191.

приборы, электрические заграждения, самолетостроение, рентгеновская аппаратура, производство медикаментов — таков тематический состав оборонной программы Петроградского политехникума. Аналогичная программа Московского технического училища включала в себя теоретическую и практическую проблематику воздухоплавания, борьбу с удушливыми газами, рентгенологию, проблему ликвидации топливного кризиса.

За годы войны расширявшаяся производственно-экспериментальная база инженерных институтов в значительной степени утратила исключительно учебное назначение, превратившись в руководимые преподавателями мелкие промышленные предприятия по производству, например, снарядов (Петроградский технологический институт), магнето, взрывателей, микротелефонных аппаратов (Петроградский политехникум) и т.д.

Уже в период войны российские ученые начинают разработку проектов, рассчитанных на долговременную перспективу в условиях стабильного мира. Наиболее впечатляющий среди них — программа созданной в 1915 г. В.И. Вернадским «Комиссии по изучению естественных производительных сил России» (КЕПС). Академик Вернадский утверждал, что наладить истощенное войной хозяйство можно только путем интенсивного использования «производительных сил, подъема народного творчества». Залогом этого он считал не только «капитал, хорошее государственное устройство, свободу народной жизни», но также и «расцвет научного творчества». «Широкую организацию работы» он ставил в один ряд с «просветительными, экономическими, политическими реформами»³⁹. Изучение природы, сеть новых лабораторий, музеев, научно-исследовательских институтов не менее необходимы России, чем «улучшение нашей гражданской и политической жизни», — утверждал ученый⁴⁰.

Много и плодотворно писал в 1914–1917 гг. о созидательной социально-политической функции науки К.А. Тимирязев. Плодом этого творчества стала его знаменитая книга «Наука и демократия», впервые опубликованная в 1920 г. В науке и демократии, как понятиях нерасторжимых, ученый видел силу, враждебную войне, поскольку ее стихия — «ложь», а науки — «истина». Он писал: «Война зарождается во лжи и протекает в ее атмосфере; не даром первым ее условием является

³⁹ Очерки и речи академика В.И. Вернадского. С. 55.

⁴⁰ Там же. С. 140.

торжество цензуры. Основа реальной научной этики — социальное чувство, принцип «наибольшего блага, наибольшего числа»⁴¹.

В размышлениях В.И. Вернадского и К.А. Тимирязева о судьбах отечественной науки сквозило предчувствие фундаментальных социальных и политических перемен, которыми чревата была российская жизнь времен Первой мировой войны.

⁴¹ *Тимирязев К.А.* Наука и демократия. М., 1963. С. 377. (см. сноску 15).